

16.12.98

11 ДЕКАБРЯ АЛЕКСАНДРУ СОЛЖЕНИЦЫНУ ИСПОЛНЯЕТСЯ 80 ЛЕТ

Начало см. стр.1

В тот же день «Новые Известия» опубликовали интервью Олега Миронова, в прошлом депутата-коммуниста, не так давно выступавшего в Конституционном суде, когда там рассматривался вопрос о запрете КПСС, в качестве защитника компартии, а ныне являющегося уполномоченным по правам человека Российской Федерации (на этом посту он сменил Сергея Ковалева). Миронов заявил, что «нельзя говорить, что 30-е годы в нашей стране были годами средневековья, инквизиции. Плюсов было достаточно». С его точки зрения, это была эпоха «колоссального позитива».

Сразу вслед за этим председатель Государственной Думы Геннадий Селезнев потребовал восстановить в России каторжные работы. «На каторге, — сказал он, — человек должен каждый день молить Бога, чтобы Тот послал ему смерть, на каторге надо, чтобы человек умирал от изнурительного труда в каменоломнях и лесных чащобах».

И все это в течение двух-трех дней. Именно тех дней, когда по всем каналам российского телевидения начали демонстрироваться фильмы о Солженицыне, посвященные его 80-летию. И после этого мы утверждаем, что эпоха ГУЛАГа ушла в прошлое? И антикоммунизм неактуален? И Солженицын пережил свою эпоху?

Трагедия нашей страны заключается в том, что в массе своей российский читатель не прочитал «Архипелаг» в 70-е годы, когда его читали по всему миру и, прочитав, тысячами уходили из компартий, отказывались от «левизны» и марксизма, открывали для себя Бога и на самом деле рождались заново.

Марксизм, к которому тянулись европейские интеллектуалы, в том числе и верующие, после появления «Архипелага» просто умер, а международное коммунистическое движение и все, что было связано с попытками построить «социализм с человеческим лицом», потерпело полный крах. Социализм — это всегда террор. К такому выводу не может не прийти тот, кто прочитал Солженицына.

Люди начали понимать это повсюду, но не в России. В какой-то мере это связано с тем, что «Архипелаг» был издан у нас уже после того, как из газет, исследований, кинофильмов, записок и вообще из самой разной литературы стали известны факты истории советского времени, причем не в том устном изложении 227 очевидцев, на свидетельстве которых опирался Солженицын, а по документам.

Современного человека занимает факт как таковой, а не его осмысление. «Об этом я уже читал, эти факты я уже знаю», — сказал российский читатель, увидевший в книге Александра Исаевича хронику и не понявший, что перед ним «опыт художественного исследования».

Сегодня коммунисты не стесняются угрожать нам каторгой, «колоссальным позитивом» 30-х годов и репрессиями, которые они обрушат на классовых врагов, когда снова придут к власти. Их уже начали бояться. Но возможным стало это не в последнюю очередь в силу того, что

Прочла ли Россия Солженицына?

«Архипелаг» так и не был прочитан в России.

Солженицын называет наших дедов, репрессированных, умиравших на лесоповалах и расстрелянных, кроликами. Это кажется несправедливым и жестоким, но, увы, это было действительно так. И относится не только к ним, но и к нам. Мы тоже рискуем в любой момент превратиться в кроликов.

Он рассказывает об арестованном вместе с матерью в 1937 году мальчике лет восьми, которому удалось спрятаться прямо на вокзале, где он «нырнул под красную ткань, обматывающую высокую разную под бюстом Сталина». Там этот малыш просидел, пока опасность не миновала.

Возвращение на родину.

вала, потом пытался спрятаться у соседей, знакомых, у друзей его папы и мамы. «И не только никто не принял этого мальчика в семью, но и ночевать не оставили! И он сдался в детдом».

Вот они, кролики (все эти неплохие люди — соседи, родственники и друзья этого мальчика и его родителей), вот почему советская власть просуществовала так долго и теперь еще грозит нам тем, что **все вернется...**

«Вам можно и непременно надо бы кричать! Кричать, что вы арестованы! Что переодетые злодеи ловят людей! Что хватают по ложным доносам! Что идет глухая расправа над миллионами!.. Но с *ваших* пересохших губ не срывается ни единого звука, и минующая толпа беспеч-

но принимает вас и ваших палачей за прогуливающихся приятелей», — так пишет Солженицын в самом начале своей книги.

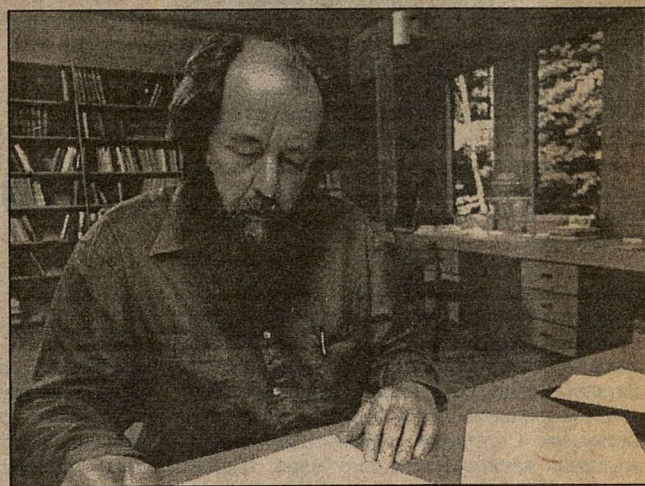
Он вспоминает о профессоре Дмитрие Аполлинарьевиче Рожанском, который на собрании в ленинградском Политехническом институте *воздержался*, когда все гневно голосовало за смертную казнь обвиненным по делу Промпартии, и был тут же посажен, однако затем вернулся. «Не сказать ли, что он выдержал поединок со Сталиным? Что граждански-мужественное общество не дало бы повода писать ни этой главы, ни всей этой книги?» — спрашивает Солженицын и самого себя, и каждого из нас.

Писатель описывает особенное ощущение, суть которого сводится к тому, что человек пребывает в полной уверенности, что он ничего не сможет, у него ничего не получится, ибо он слишком незаметен и, главное, совсем один, поскольку его никто не поддержит. Именно это ощущение приводит к тому, что тирания становится возможной. Ощущение, которое может разрушить все. Ибо и один голос, поданный честно, может противостоять злу и подготовить ниспровержение идола. К нему всегда присоединится кто-то второй. И так далее.

Сам Солженицын, когда он начинал работу над «Архипелагом», был почти один. За ним не стояла никакая структура, его не защищала ни одна организация. О его работе не знал никто за границей, но рядом было несколько друзей, которые прятали рукописи, находили информаторов, устраивали встречи с ними и помогали писателю скрыться в нужный момент от «всевидящего ока» и «утаить эту рукопись в суровую минуту, а потом размножить ее». Именно это «почти» и привело к тому, что Солженицын победил.

Он был услышан. И до «Архипелага» раздавались голоса, которые говорили о том, что такое советская власть. В Париже об этом всегда писали на страницах «Русской мысли» и говорили в стенах Свято-Сергиевского института, об этом говорили о.Александр Шмеман и священник Кароль Войтыла, об этом писал еще Бердяев...

Однако их голоса тоновили в респектабельном хоре европейских писателей и поэтов (вроде Арагона и Элюара), философов и музыкантов, которые вместе с респектабельным настоятелем Кентерберийского собора Хьюлеттом Джонсоном, получившим за это международную ленинскую премию, на все лады восхваляли Советский Союз и подчеркивали, что его противники просто тоскуют по прошлому, которое никогда не вернется.

В рабочем кабинете в Вермонте.

Этому хору вторил политический истеблишмент, которому не хотелось ссориться с советским правительством, хотя, конечно, политики прекрасно знали, что такое коммунизм, и понимали, что он ничем не лучше нацизма.

Солженицын сказал об этом так, что его услышали все. Вероятно, по той причине, что через его книгу, словно в рупор, сотни людей сумели рассказать о своем опыте, о своей жизни и испытаниях, ибо таков гений этого писателя, что на страницах своих книг он умеет дать высказаться герою от первого лица. Писатель, о котором принято говорить, что он индивидуалист и одиночка, а главное, человек, из всех видов борьбы признающий только единоборство, Солженицын не подавляет своего информатора и никогда не говорит от имени своего героя, как делали и делают от имени почти все писатели, начиная чуть ли не с Гомера и, во всяком случае, с Платона, а дает возможность говорить ему самому.

После «Архипелага» появились сотни книг, тысячи статей и исследований, посвященных теме, на которую написана эта книга, стали известны новые факты, но «опыт художественного исследования», предложенный нам Солженицыным, не утратил своего значения. Наоборот, на фоне всех этих материалов стала еще больше видна его уникальность как **человеческого документа**.

Этот аспект творчества Солженицына до сих пор не замечен и не оценен в России. Именно поэтому не только Дума голосует за восстановление памятника Дзержинскому, но и почти 50% опрошенных поддерживают ее решение. Читая Солженицына, понимаешь, что значат слова Цицерона, который назвал историю учительницей жизни.

Страшная и беспощадная в своей подлинности книга Солженицына учит нас не бояться и знать, что полнота ответственности за все лежит на каждом. Когда мы все читаем в нее как следует, тогда и атмосфера в России, без сомнения, изменится. И навсегда.

Свящ. ГЕОРГИЙ ЧИСТЯКОВ

Москва

Нужное подчеркнуть

Александр Солженицын появился на свет через год после большевистского переворота. Сын героя Первой Мировой войны и коллективное безумие, парализовавшее Россию в уходящем столетии, — почти ровесники.

В таком сопоставлении нет ничего преувеличенного или нескромного. Солженицын — комсомолец, студент-математик, боевой офицер-орденоносец, эзк, ссыльный, раковый больной, рязанский учитель, литератор, диссидент, нобелевский лауреат, изгнанник, вермонтский отшельник, возвращенец, — этот перечень так же парадоксален, как парадоксальна лихорадочная траектория русского XX века.

Но Солженицын — больше чем «биография» или «собрание сочинений», он скорее «событие» или «присшествие», разделившее новейшую русскую историю на эпохи «до» и «после».

В конце XVIII века молодые люди по всей Европе делились на тех, кто прочел «Страдания молодого Вертера», и на тех, кто нет. Во времена моей юности (начало 80-х) сверстники делились на тех, кто несколько ночей напролет **про- выл** от стыда и боли над контрабандным «Архипелагом ГУЛАГ», и на тех, кто... Одним словом, на всех остальных.

Боль и стыд, вызванные «сказками Бирнамского леса», оказались (во всяком случае для многих людей моего поколения) не разрушительными, а креативными переживаниями. Произошло нечто вроде нравственной инициации, была получена санкция на индивидуальное существование. Советский человек, погребенный под студенистой жижей социалистического коллективизма, тайком открывал напечатанную на

папиросной бумаге книгу и внезапно оказывался наедине с **личным бунтом** невероятной мощи, бунтом осмысленным и (да, правильно) беспощадным.

Считается, что русский коммунизм, вопреки исторической справедливости, избежал своего Нюрнберга. Я думаю, это не совсем так.

Тридцать пять лет назад, в конце декабря 1973 года, когда первые экземпляры «Архипелага» покинули печатный станок, советская власть была приговорена к смертной казни через презрение. После этого она подыхала ежедневно. И не как мерещилось ей в ночных кошмарах — под свист ядерных боеголовок, — а под шелест папиросной бумаги. Со скоростью переворачиваемой страницы каждого из трех томов ее уголовного дела.

В Солженицыне сбылась заветная русская литературная мечта — победа слова над делом. Когда выяснилось, что политическая (в широком смысле этого понятия — от парламентаризма до терроризма) борьба против воплотившегося в России коммунистического призрака невозможна, когда казалось, что с людоедским режимом сделать вообще **ничего нельзя**, тогда одинокий и безвестный эзк взялся за перо. И самая монструозная за всю историю человечества государственная машина в конце концов проиграла эту немислимую партию.

О чем это говорит? Возможно, о том, что сло-

весность — главный (если не единственный) вклад, который русские смогли внести в сокровищницу мировых ценностей. Возможно, о том, что Россия — страна-подросток, столь же жестокий, сколь ранимый и отзывчивый...

Как бы там ни было, но за словом должно последовать дело. А с этим у нас неважно. И случай Солженицына в этом смысле весьма показателен.

Яростный полемист, прирожденный практик и неутомимый работник, он отказался от напрашивавшейся жанровой завершенности своей судьбы: Давид, победив Голиафа, величественно умолкает, предается созерцанию и не отвлекается на мелочи.

Вместо этого, вернувшись в Россию, Солженицын попытался активно включиться в общественно-политическую жизнь. В спецпоезде он триумфально пересек шестую часть суши — от Владивостока до Москвы, он выступал с высокими трибунами, ему предоставили регулярный телевизионный эфир.

Прошлое и будущее Родины, состояние сельских библиотек и очередной воинский призыв, экология русского языка и налогообложение земледельцев — все это попадало в круг его интересов и реакций. Солженицын был как всегда энергичен, напорист и убедителен.

В ответ Великий Репатриант получил в лучшем случае снисходительное равнодушие. Сегодня в Серебряном Бору Солженицын кажется

современным русским такой же экзотикой, как американцам в Вермонте.

Почему так получилось?

Как мне кажется, ответ следует искать не в содержательной сфере, а в области психологии. В области психологии Солженицына и той аудитории, с которой ему пришлось иметь дело по возвращении домой.

В юбилейном фильме режиссера Сокурова «Узел» Александр Исаевич говорит, что публику, привыкшую к советскому волапоку, испугало коренное русское слово «**обустроить**» в заголовке «Как нам обустроить Россию». Я же предполагаю, что постсоветский человек с опаской относится к слову «**мы**». Ему слишком хорошо объяснили, «как нам реорганизовать Рабкрин», тем самым надолго отбив охоту к любому «общему делу».

Историко-идеологические построения Солженицына могут выглядеть эклектичными, архаическими, хаотическими, какими угодно... Но сам масштаб личности автора автоматически придает им завершенность и цельность. И по-сему ругать Солженицына аяллотой и утопистом, фундаменталистом и дилетантом можно только по недомыслию или за деньги.

А вот те особенности душевного склада, которые делают Солженицына Солженицыным: профетический пафос, воля к самоотречению, этический максимализм и так далее, — все это в современной России не считается пред- метами первой необходимости. К сожалению? К счастью? Нужно подчеркнуть.

СЕРГЕЙ ЮРОВ

Москва

138